

А.Е. Козлов

Новосибирский государственный педагогический университет

**Формирование провинциальных сюжетов
в русской литературе конца XVIII – первой трети XIX веков**

Аннотация: Статья посвящена изучению генезиса и формирования провинциальных сюжетов. В начале статьи рассматривается взаимосвязь провинциальных сюжетов с тремя основными источниками: русской комедиографией, публицистикой и прозой сентиментализма и романтизма. Последовательный анализ этих сфер позволяет выделить основные процессы в формировании исследуемых сюжетов: метонимический и метафорический перенос, пародийное переосмысление, редукция мирового сюжета. В заключение утверждается, что провинциальные сюжеты как единая структура подготавливают оформление провинциального текста русской литературы XIX века.

The paper investigates the genesis and formation of provincial stories. At first the author considers the interconnection of the provincial plots with the three main sources: Russian comedial, publicistic, and prosaic works of late Sentimentalists and Romantics. Analysis of these spheres makes it possible to identify the main processes in the formation of the plots under investigation: metonymy and metaphor, parody, and reduction. In conclusion it is stated that provincial stories as a united structure were preparing the provincial text of the Russian 19th century literature.

Ключевые слова: русская литература, провинциальные сюжеты, комедиография, сентиментализм, романтизм.

Russian literature, provincial story, writing of comedies, sentimentalism, romanticism.

УДК: 821.161.1

Контактная информация: Новосибирск, ул. Виллюйская, 28. НГПУ, ИФМИП, кафедра русской литературы и теории литературы. E-mail: alexeykozlov@rambler.ru.

Рассмотрение провинциального текста русской литературы в сюжетологическом аспекте позволяет сосредоточить внимание на отдельном сюжетно-мотивном комплексе, далее называемом провинциальным сюжетом. Задача настоящей статьи заключается в изучении источников формирования этого комплекса, тематически связанного с провинциальным городом N, и его соотношение с провинциальным текстом как макротематическим образованием русской литературы XIX века.

Изучение формирования провинциальных сюжетов показывает, что в этом процессе определяющую роль сыграли драматургия, и публицистика второй половины XVIII века. В частности, комедии М.И. Вережкина, Я.Б. Княжнина, Д.И. Фонвизина, А.Д. Копиева и В.В. Капниста определили не только частотные фабулы, далее используемые в провинциальных сюжетах, но и сформировали «коннотативный фон», определив дальнейший модус оценки провинциальных происшествий. Описывая эволюцию русской комедии, П.Н. Берков подчеркивает: «Не желая вызывать цензурные осложнения, авторы комедий обычно относили фабулу произведения в более далекие времена ... и помещали действие в провин-

циальную глушь» [Берков, 1977, с. 121]. Таким образом, сценическая провинция приобретала черты собирательного пространства, представляющего общую картину пороков Российской империи. Частое изображение провинции определило оформление клише, обращение к которому вызывало негативную реакцию у современных критиков: «Отчего наши комические авторы привязались к провинциям ... можно ли угодить знатокам представлением Фоки, комнатного шута деревенского дворянина, воеводской канцелярии или провинциального петуха в смешном наряде?» [Дмитриев, 1802, с. 374–375].

Сатирические издания Н.И. Новикова, Ф.А. Эмина, Н.И. Стрехова закрепили в литературе ряд устойчивых характеров, с которыми были связаны повторяемые и многократно варьируемые фабулы. Отмечая миромоделирующий потенциал сатирических изданий второй половины XVIII века, А.С. Янушкевич замечает: «Журналы одного автора (Екатерины II, Новикова, Крылова) выявили новое качество объединения текстов – авторскую рефлексивность. Каждый номер “Всякой всячины”, “Трутня” или “Живописца”, “Почты духов” были уже не просто текстовым единством, но и выражением авторского мирообраза» [Янушкевич, 2002, с. 101]. По мысли ученого, заложенные в журналах нарративные традиции обусловили структуру многих прозаических жанров. В применении к провинциальным сюжетам это больше всего проявляется в письмах провинциалов, особенно в «Письмах к Фалалею», опубликованных в «Живописце» Н.И. Новикова. Здесь представлены различные провинциальные сознания, фактически показан «комплекс провинциала». Наряду с письмами миромоделирующий потенциал имеют «Сатирические ведомости» Н.И. Новикова и Н.И. Стрехова: многочисленные происшествия, связанные с западной фельетонной и народной смеховой традицией, значительно деформировали исходный образ провинции, представляя его источником неполноты, ущербности и греховности.

В обоих случаях драматурги и журналисты, как правило, обращались к западноевропейским сюжетам, в результате чего многочисленные произведения, представляя опыт «склонения на русские нравы», сохраняли событийную структуру оригинала.

В то же время, влияние прозаической литературы середины XVIII века, в том числе массовой, по-видимому, не было значительным и в большинстве случаев представляло тиражирование сформированных в журналистике схем. В этом отношении исключение составляет повесть «Несчастный Никанор или приключение жизни российского дворянина Н***». Заимствуя основные коллизии из западноевропейской литературы, автор повести в то же время формирует условную географическую карту России, на которой все события соотносятся с определенным полюсом – настоящим (провинциальным) и прошлым (столичным, заграничным) героя. Очевидна и нарратологическая значимость этого произведения, поскольку здесь впервые обозначается важность события рассказывания, которое противопоставлено бессобытийной повседневности Никанора.

Качественное развитие сюжетно-мотивного комплекса, тематически связанного с провинцией, наблюдается в позднем сентиментализме и в произведениях эпигонов Н.М. Карамзина. Разработанность основных сюжетов этой парадигмы позволяет некоторым авторам отказаться от оригинальной фабулы¹ и сосредоточить свое внимание на сюжетных реализациях. Чаще всего это сопровождается

---

¹ В некоторых случаях это приводит к схематизации повествования, как и в повести анонимного автора «Истинное приключение благородной россиянки»: «Госпожа N* происходит из достаточной и довольно знатной российской фамилии N*. Она родилась в N*» [Истинное приключение, 1979, с. 201]. Такое вступление производит впечатление сплошного шифра и не предполагает ответа на вопрос о подлинном имени героини; имя вместе с наименованием города представляет такую переменную, которая определяется читательским воображением.

сменной повествовательного модуса, связанного с заимствованием характеров комической драматургии. В повести А.Е. Измайлова «Бедная Маша» сатирические черты сопровождают портреты второстепенных действующих лиц (например, обер-офицер Простакова); в анонимной повести «Модест и Софья» главная героиня названа провинциалкой, подчеркнуты посредственность и простота ее жизни. Эти интонации проявятся в светской повести и произведениях В.Ф. Одоевского, Н.Ф. Павлова, В.А. Соллогуба.

Подчеркивая значение иронии и пародии, А. Шёнле показывает, что в литературном процессе парадигма сентиментализма долгое время «использовалась в качестве контрастного фона: писатели продолжают оглядываться на нее, но уже с иронией, давая понять, что стараются избежать ошибок и заблуждений своих предшественников» [Шёнле, 2004, с. 12]. Кажется очевидным, что тема провинции стала одной из определяющих в механизме пародийности¹. В ракурсе пародии может быть рассмотрена повесть М.В. Сушкова «Российкий Вертер», представляющая значительное изменение первоисточника. В одном из начальных писем герой замечает: «Какие разные лица! Нет, никакой актер не может больше увеселить... В будущем письме узнаешь последствие, а теперь скажу только, что я в существе вижу комедию Недоросля» [Сушков, 1979, с. 206]. Обретая в качестве претекста комедию Фонвизина, «Российкий Вертер» становится на принципиально иную почву. Далее читатель находит еще ряд отсылок к современной драматургии, включая «Ябеду» В.В. Капниста. В повести Сушкова герой пытается осмыслить феномен повседневности, описать провинциальное время: «Я охотно обегал все окружные места, но, увидя завтра то же и послезавтра то же, и те же виды, и те же лица, наконец, всем наскучил» [Сушков, 1979, с. 206]. Скука наряду с разочарованием подготавливает иную мотивировку дальнейшего сюжета. Так, самоубийство персонажа становится связанным не только с адюльтерной линией романа, но и мотивом скуки, маркирующим безысходность и обыденность.

Своеобразный итог развития провинциальной темы в сентиментализме подводит М.Н. Загоскин в своем фельетонном романе «Неравный брак». Называя главных героев Эрастом и Лизой, Загоскин иронизирует по поводу верности и непорочности главных героев, вводя в повествование мотивы, связанные с супружеской изменой. Фоном произведения Загоскина становится провинциальный мир, служащие и мещане, в ряду которых находятся и «копии Скотинина, известного действующего лица в прекрасной комедии “Недоросль”» [Загоскин, 1987, с. 266]. Центр повествования смещается с чувств героев к описанию разразившегося скандала, который обуславливает развитие сюжетной коллизии. Счастливый финал, представляющий собой пародийное переосмысление развязки «Бедной Лизы» и других сентименталистских повестей, маркирует в романе повторяемость и бессмысленность событий, происходящих в провинции: «...Все действующие лица бедственного праздника, описанного во второй главе, были созданы, угощены прекрасным образом ... и, так же как прежде не успокоились до тех пор, пока не отделали по-свойски молодых супругов ... одним словом, все происходило надлежащим образом...» [Загоскин, 1987, с. 281].

По-видимому, в сентименталистской повести, опирающейся на западноевропейские образцы, некоторые произведения массовой литературы и существую-

---

¹ В своей «чухломской» пьесе «Своя семья, или замужняя невеста» (написанной на закате сентиментализма) А.А. Шаховской представляет героиню, вынужденную разделять чувствительные переживания своей провинциальной родственницы. Вернувшись с прогулки, девушка восклицает: «Там над могилами немного повздыхали; потом по бережку иссохшего ручья дошли до рощицы, где тетушка и я стадами пестрыми, вздыхая, любовались» [Шаховской, 1990, с. 200]. В приведенном высказывании сосредоточено большинство сентименталистских приемов, ставших на момент представления пьесы литературными клише.

щую беллетристику, провинциальный сюжет способствовал изменению модальности повествования. Входя в общий аллюзивный ряд, провинциальный сюжет подразумевал ироническое осмысление происходящих событий, вторичность и неоригинальность которых в большинстве своем была осознанной в повести начала XIX века.

В романтической повести первой трети XIX века иронические коллизии сюжета представлены в творчестве В.Т. Нарезного, что связано с реализацией авантюрного хронотопа («Славенские вечера», «Бурсак», «Российский Жилблаз», «Два Ивана или Страсть к тяжбам»). В его повести «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» Малороссия рядом свойств напоминает пространство романа М. Сервантеса «Приключения Дон Кихота». Данное сходство усиливается в главах «Дон Кихот в своем роде» и «Новые поводы к тяжбе», где разъяренный помещик Харитон принимает решение сжечь ветряные мельницы, принадлежащие его соседям. В отличие от персонажа Сервантеса, неистового и очарованного рыцаря, малороссийский Дон Кихот движим корыстью и завистью. Рознится и круг чтения этих героев, поскольку Харитон обращается к лубочным книгам второй половины XVIII века, т.е. редукции рыцарского романа: «“Бова Королевич”, “Еруслан Лазаревич”, “Петр – золотые ключи”... все они путешествуют верхами и большою частью на прескверных клячах» [Нарежный, 1950, с. 49]. В описании Харитона исходный образ испанского идальго также редуцируется; авторское сравнение подчеркивает невозможность соотнесения двух этих героев и указывает на игровой характер действия. Подобно Нарезному, отождествившему малороссийского Харитона с испанским Дон Кихотом, А.Ф. Вельтман в повести «Неистовый Роланд» называет уездного актера именем героя средневекового эпоса. Гиперболизация этого сходства очевидна в репликах персонажа, где попеременно звучат слова из трагедий и высоких комедий классицизма, за счет чего герой практически лишен своего собственного голоса. В кульминации произведения Зарецкий-Роланд выходит на площадь (характерное место карнавального действия) и, полагая, что он на сцене, восклицает: «Великолепный город! Какое величие управлять им, блистать над ним, подобно царственному дню... Погрузить в этот бездонный океан все клокочущие страсти, все ненасытные желания... Пропасть!...» [Вельтман, 1950, с. 547]. В этом контексте реплика актера воспринимается зрителями как инвектива, не связанная со сценическим действием. Близкий, хотя и сниженный, пример одержимости представляет «История о петухе, кошке и лягушке» В.Ф. Одоевского. Описывая безумие городничего, Одоевский демонстрирует меру помешательства, обращаясь к метафоре: «То, наконец, ему кажется, что у него в голове целый город Реженск, – крик, шум, скрип от возов... а по улицам все ходят не люди, а лягушки на задних лапках и с ножки на ножку переваливаются!...» [Одоевский, 1981, с. 30]. Во всех рассмотренных случаях, как и в сентиментальных повестях, провинциальный сюжет представляет способ переосмысления распространенного европейского сюжета.

Общим местом для романтической и светской повести первой половины XIX века становится описание провинциального общества. Характерный пример этому представляют «Три повести» Н.Ф. Павлова. Следуя основной сюжетной линии, Павлов подробно останавливается на характеристике провинциалов: «...Какой-то оригинальный беспорядок царствовал в этой толпе. Беспорядок был во всем, и в платьях, и в положениях, и в лицах. Кой-где мелькало женское жеманство, кой-где проглядывало лицо, как будто упавшее с неба. Тут завитые усы, там нечесаная голова, тут жилет, опутанный золотою цепью, там неглаженное платье, но тут же и чепчик из Москвы с Кузнецкого моста, тут же ловко стянутый стан и великолепно взбитые волосы» [Павлов, 1985, с. 14]. Провинциальное общество, напоминая одновременно героев «Недоросля» и «фамусовское общество» Москвы, являет хаос, неустойчивость формы. Этот мотив усиливается в повести «Ятаган»: «От чайного столика до пышного обеда, от семьи до бала все то же:

говорят одним языком и не понимают друг друга... Все страсти, желания, склонности человека умещаются легко на самом узком пространстве, и этот малый мир, сколок с большого, заключал в себе начало многих разнообразных волнений сердца» [Там же, с. 41]. Нарушение диалога, видимость понимания при невозможности услышать другого человека, закрепляют за провинцией Павлова образность трагического мира.

Указывая на ряд отрицательных черт в характеристике провинции и провинциалов в очерке «Москва и москвичи», М.Н. Загоскин противопоставляет «литературным» стереотипам свой собственный опыт (точнее, опыт Бельского) и обращает упрек к беллетристам, заслугой которых является создание подобного представления: «Защитники этих господ оправдывают их тем, что они описывали одну только сторону наших провинциальных нравов, сиречь дурную. Эх, господа, господа! Да ведь односторонность никуда не годится, а особенно когда мы говорим о нравственном достоинстве целого народа!» [Загоскин, 1988, с. 279].

Описанный сюжетно-мотивный комплекс показывает разработанность провинциальной темы и свидетельствует об устойчивых предпосылках формирования провинциального текста. Вероятно, провинциальный сюжет предшествовал оформлению провинциального текста русской литературы. Сотканный из описанных тем и мотивов, этот текст в полной мере складывается в 40-е годы XIX века, что связано с появлением трёх ключевых произведений: «Мертвых душ» Н.В. Гоголя, «Тарантаса» В.А. Соллогуба и «Кто виноват?» А.И. Герцена. Сюжетный потенциал этих произведений обусловил в последующем литературном процессе ряд типологически значимых вариантов, описание которых показывает их устойчивую взаимосвязь с комедией, публицистикой и русской прозой конца XVIII – первой трети XIX вв.

Литература

- Берков П.Н. История русской комедии XVIII века. Л., 1977.
- Вельтман А.Ф. Неистовый Роланд // Русские повести XIX века 20–30 годов: В 2 т. М., 1950. Т. 1.
- Дмитриев И.И. Театр // Вестник Европы. СПб., 1802. № 7.
- Загоскин М.Н. Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Бельского, издаваемые М.Н. Загоскиным. М., 1988.
- Загоскин М.Н. Неравный брак // Загоскин М.Н. Сочинения: в 2 т. М., 1987. Т. 2.
- Истинное приключение благородной россиянки // Русская сентиментальная повесть. М., 1979.
- Нарежный В.Т. Два Ивана или страсть к тяжбам // Русские повести XIX века 20 – 30 годов: В 2 т. М., 1950. Т. 1.
- Одоевский В.Ф. История о петухе, кошке и лягушке // Одоевский В.Ф. Сочинения: в 2 т. М., 1981. Т. 2.
- Павлов Н.Ф. Три повести // Павлов Н.Ф. Сочинения. М., 1985.
- Сушков М.В. Российский Вертер // Русская сентиментальная повесть. М., 1979.
- Шаховской А.А. Своя семья, или замужняя невеста // Стихотворная комедия. Комическая опера. Водевиль конца XVIII – начала XIX века: в 2 т. Л., 1990. Т. 2.
- Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790 – 1840. СПб., 2004.
- Янушкевич А.С. Русский прозаический цикл: нарратив, автор, читатель // Русская повесть как форма времени. Томск, 2002.